

Посвящается Лэрри и Фрэнки

ПРЕДИСЛОВИЕ

1 марта 1998 г.

На днях за ужином Шеба вспомнила свой первый поцелуй с этим юнцом, Конноли. Сама история была мне хорошо известна, поскольку Шеба не раз делилась со мной ее подробностями. Тем вечером, однако, выяснилось кое-что новое. Я поинтересовалась ощущениями Шебы от их первого объятия: не поразило ли оно ее чем-нибудь особенным? Шеба рассмеялась и сказала, что ее поразили запах. Она прежде не задумывалась о том, как пахнет тело этого подростка, но в любом случае предположила бы обычный мальчишеский запах — жвачки, к примеру, кока-колы. Или потных ног.

А на самом деле я в тот момент ощутила аромат мыла и чистого, только что из сушилки, белья. От мальчика пахло прачечной. Представьте, что вы проходите мимо какого-нибудь дома и вас из вентиляционного окошка подвала обдает паром стирки. Такое вот ощущение. Он благоухал чистотой, Барбара. Не то что другие ребята, от которых несет чипсами с луком и сыром...

С тех пор как мы поселились в доме Эдди, ни один наш вечер не проходит без подобных

бесед. Шеба обычно присаживается к кухонному столу и устремляет взгляд в зеленую мглу сада за окном. Я сижу напротив и наблюдаю, как ее нервные пальцы, будто коньки фигуриста на льду, выписывают замысловатые петли по клеенке. Своим ровным, дикторским голосом Шеба выдает довольно откровенные вещи. Среди прочего, меня всегда восхищала и эта способность Шебы открыто говорить о низменном, и ее умение превращать в достойную любую тему, какую ни возьми. Мы очень близки с Шебой. Между нами нет секретов.

Знаете, Барбара, о чем я подумала, когда он впервые разделся передо мной? О свежих, прямо с грядки, овощах, завернутых в чистейший белый платок. О только что срезанных грибах. Нет, правда. Мне хотелось его съесть. Он мыл голову каждый вечер, буквально каждый вечер. Его волосы были до того чистые, что просто рассыпались. Тщеславие юности. Хотя нет — скорее, вдохновение юности. Собственное тело все еще забавляло его, как новая игрушка забавляет ребенка; он не научился относиться к нему с небрежным безразличием взрослых.

Шеба вернулась к излюбленной теме. Оду волосам Конноли за последние несколько месяцев я слышала по меньшей мере полтора десятка раз. Сама я от волос юнца была не в восторге. На меня они всегда производили неприятное впечатле-

ние, напоминая крученное стекловолокно, которое в былые времена продавали в качестве искусственного снега для рождественских елок. Тем не менее я терпеливо поддерживала разговор:

— А вы волновались, когда целовали его в первый раз, Шеба?

Нет, нет. Да, конечно... Не совсем. (Смех.) А можно быть спокойной и в то же время волноваться? Помню, тогда меня обрадовало, что он целовался без языка. Нужно ведь сначала немножко узнать друг друга, верно? А то уж как-то слишком. Слюна и все такое. Да и неловко капельку, когда партнер пытается проявлять фантазию в самом начале... Словом, я обрадовалась и, должно быть, чересчур расслабилась, потому и велосипед упал — ну и грохот же был, — и я, понятно, убежала...

Во время этих бесед я по большей части молчу. Смысл в том, чтобы заставить говорить Шебу. Впрочем, я и при нормальных обстоятельствах по большей части играла в наших отношениях роль слушателя. Вовсе не потому, что Шеба умнее. Думаю, объективно меня любой назвал бы более образованной женщиной. (Шеба неплохо разбирается в искусстве — отдаю ей должное, — однако, имея передо мной определенное социальное преимущество, она, увы, крайне мало читала.) Нет, Шеба больше болтает лишь потому, что говорливее и откровеннее меня. Я по природе осторожна, а она... ну, а она — нет.

Для большинства людей правдивость — настолько резкое отклонение от обычного *modus operandi**, настолько странная экзотика при всеобщем принятом лицемерии, что они считают себя обязанными предупредить о приближающемся миге их откровенности. Они начинают свою речь с «Честно говоря...», или с «Правду сказать...» или с «Можно начистоту?». Нередко, прежде чем продолжить, они желают заручиться клятвой молчания с вашей стороны. «Строго между нами, договорились?.. Дайте слово, что никому не расскажете...» Шеба совсем не такая. Не моргнув и глазом, она выдает свои самые интимные и неудобные секреты. «В детстве я была просто одержима мастурбацией,— сообщила она мне в самом начале нашего знакомства. — Чтобы я не забавлялась с собой на людях, маме приходилось заматывать мне трусы скотчем». «Правда?» — отозвалась я, делая вид, что обсуждать такого рода вопросы за чашечкой кофе и батончиком «Кит-Кат» — для меня вполне привычное дело.

Думаю, что эта беспечная прямота — черта сословная. Если бы я чаще сталкивалась с аристократами, то постигла бы их манеры и перестала удивляться. Но, кроме Шебы, я больше никого из высшего общества не знаю. Ее обескураживающая искренность для меня так же странна и необычна, как, скажем, костяная спица в губе индейца с Амазонки.

* Образ действия (*лат.*).

Шеба сейчас должна дремать наверху (по ночам она неважно спит). Однако, судя по доносящемуся до меня скрипу половиц, она вновь кружит по спальне своей маленькой племянницы, куда частенько поднимается после обеда. В этой комнате выросла сама Шеба. Последние несколько месяцев она просиживает там часами, разглядывая флакончики с блестками и клеем в наборах «Юного художника» или перебирая коллекцию кукольных туфельек. Случается, и засыпает — и тогда мне приходится подниматься и будить ее к ужину. Вытянувшись на бело-розовой кровати маленькой принцессы, с крупными, загрубелыми ступнями, свисающими с края, она выглядит печально и неуместно. Словно великанша, по ошибке забредшая в чужой дом.

Наше временное жилище принадлежит Эдди, брату Шебы. Их мать после смерти отца решила, что дом слишком велик для одного человека, и Эдди его выкупил. Мне кажется, Шеба этим горько обижена. Нечестно, говорит она, что их общее прошлое досталось одному Эдди только потому, что у него больше денег.

Эдди с семьей сейчас в Нью-Дели. Американский банк, где он занимает хорошую должность, отправил его в полугодовую командировку. Когда начались неприятности, Шеба позвонила брату в Индию, и он позволил ей пожить в этом доме, пока не подыщется постоянное жилье. С тех пор мы здесь и живем. Трудно представить, что мы станем делать в июне, после возвращения Эдди. Я отказалась от

аренды своей квартирки несколько недель назад, а Ричард, муж Шебы, не примет нас ни при каких обстоятельствах, даже на время. Средств на то, чтобы снять другое жилье, у нас, боюсь, неостанет; к тому же в Лондоне вряд ли найдется домовладелец, готовый сдать нам квартиру. Впрочем, я стараюсь не переживать по этому поводу. Довольно с нас и нынешнего зла, как говаривала моя мама.

Эта история не обо мне. Однако сама я тоже играю кое-какую роль в событиях, с которыми намерена вас ознакомить, а потому считаю справедливым в двух словах описать себя и узы, связывающие меня с главной героиней. Мое имя — Барбара Коветт. (Время от времени кто-нибудь из коллег зовет меня Барб или, что уж совсем нежелательно, Бабс, но я не поощряю подобных фамильярностей.) Двадцать один год, пока не ушла на пенсию, я жила в районе Арчуэй, что на севере Лондона, и преподавала историю в средней школе Сент-Джордж, расположенной по соседству с моим домом. Там-то, в школе, чуть менее полутора лет назад, я и познакомилась с Батшебой Харт. У большинства из вас, полагаю, это имя на слуху. Шеба — та самая сорокадвухлетняя преподавательница гончарного мастерства, которой предъявили обвинение в насилии над несовершеннолетним, когда обнаружилась ее сексуальная связь с одним из учеников. К началу их романа мальчику исполнилось пятнадцать.

Стоило правде открыться, как дело Шебы попало под шквальный огонь осуждения. Я пыта-

юсь устоять, хотя, признаться, это тяжелая задача. В прошлом я до некоторой степени доверяла нашим средствам массовой информации, но, столкнувшись напрямую с работой репортеров, поняла, насколько они не заслуживают доверия. За последние десять дней я обнаружила двадцать фактических ошибок в освещении дела Шебы, и это в одной только прессе. В понедельник какой-то умник из «Дейли миррор» назвал Шебу «пышногрудой секс-бомбой». Но любой, кто хоть раз ее видел, знает, что она плоская, как топи Линкольншира. А вчерашняя «Сан» опубликовала «разоблачительную статью» о супруге Шебы, назвав Ричарда, читающего в Сити лекции по теории общения, «ультрамодным профи, который на своих похабных семинарах обучает чтению скабрзных журнальчиков».

В конечном же счете потрясает даже не лживость информации, а ханжество. Бог ты мой, что за жестокое лицемерие! Я с самого начала понимала, что шуму не оберешься. Я не ждала симпатии к Шебе, но ни на секунду не могла представить столь истерично-фарисейской реакции, столь ликующей ярости. Все эти репортеры пишут о Шебе как дошкольники, внезапно узнавшие, что их родителям не чужда сексуальная жизнь. «Низкий» — одно из их любимых словечек. «Нездоровый» — еще одно. Влечение Шебы к мальчику зовется «нездоровым». Ее брак тоже «нездоровый». Добиваясь расположения Шебы, мальчик обнаружил «нездоровый» интерес. Нездоровым объявля-

ется любое проявление сексуальности, отличающееся от тех, что традиционно запечатлевают на открытках. Любые отношения между полами, выходящие за узкие рамки допустимого в фильмах для семейного просмотра, эти люди относят к сексуальным извращениям. Считается, что журналисты — народ образованный, верно? Некоторые даже университеты оканчивали. Так откуда у них подобная ограниченность? Неужто сами они не вождедали никого за границами того возраста, который местные законы и обычаи находят приличным? Неужто за всю жизнь их не посетило влечение, выпадающее из заколдованного круга традиций?

В конце концов, думаю, именно пресса и развела Ричарда с Шебой. Некоторое время после того, как Шебу отпустили на поруки, они еще пытались отражать удары совместно, но атака была слишком мощной — слишком мощной для любой семьи, — чтобы выстоять. Поразительно, что они продержались так долго — учитывая журналистские бдения перед их домом и жуткие заголовки, ежедневно кричащие с газетных страниц: «Учительница с блеском проводит уроки секса» или «Педагог развивает сексуальные навыки своего ученика». Как раз перед первым слушанием дела Шебы в суде Ричард заявил, что ее присутствие в доме превращает жизнь их сына и дочери в пытку. Решив указать жене на дверь, он счел более тактичным сослаться на детей, нежели на собственное отвращение к ее поступку.

Вот тогда-то я и взяла бразды правления в свои руки. Я пригласила Шебу на недельку к себе, а когда она договорилась с Эдди, что поживет некоторое время у него, переехала туда вместе с ней. Разве я могла поступить иначе? Бедняжка осталась совсем одна. Предать ее в такой горький период смог бы только абсолютно бесчувственный человек. После еще одного, максимум двух предварительных слушаний дело передадут в Королевский суд, и, признаться, я сомневаюсь, что Шеба справится с этим без чьей-либо поддержки. Ее адвокат сказал, что появления в Королевском суде можно избежать, если Шеба согласится с обвинениями, но она и слышать об этом не желает. «Признать себя виновной? Ни за что, — твердит она. — Никакого насилия не было. Я не сделала ничего плохого».

Оказавшись своего рода временным опекуном Шебы, я неизбежно попала в поле беспощадного внимания репортеров. Похоже, их немало изумляет и коробит тот факт, что благопристойный член общества, немолодая дама с почти сорокалетним педагогическим стажем связалась с такой, как Шеба. Журналисты, освещавшие этот скандал — все до единого! — с разной степенью остроумия проехали по поводу моей сумочки, абсолютно незатейливого аксессуара с деревянными ручками и двумя вышитыми на боку котятками. Репортерам явно пришлось бы по сердцу, если бы я хвасталась внуками в компании дряблых склочниц или просаживала пенсию, играя в бинго. Я же вместо этого возникла в дверях дома богатого бан-